

Ольга Иженякова

Записки дивеевской послушницы

Книги о святых и верующих

Издательство АСТ
Москва

УДК 23/28
ББК 86.372
ИЗ1

Серия «Книги о святых и верующих»

Иженякова, Ольга

ИЗ1 Записки дивеевской послушницы / Ольга Иженякова. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Книги о святых и верующих).

ISBN 978-5-17-103880-9

Это издание адресовано всем, кому близка и понятна книга «Несвятые святые», кто пережил волнующий момент встречи с Богом и для тех, кто об этом, может быть, и не помышляет, но внутренне готов к переменам.

Ольга Иженякова журналистка, дивеевская послушница рассказывает о реальной жизни в монастыре и о том, как самые разные люди находят дорогу к Богу. На примере героев читатель наглядно увидит ту грань, которая способна порой даже на закате жизни полностью поменять её вектор и движение.

Книга пробуждает в сердце сострадание, доброту, надежду и Веру.

УДК 23/28
ББК 86.372

ISBN 978-5-17-103880-9

© Иженякова, О., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Содержание

Ванино счастье	5
Танцовщица	19
Записки дивеевской послушницы	30
Основание супа	48
Дорожный калейдоскоп	52
Корона	59
Случай у озера	61
Кредитная карта России	67
Гермоген	79
Паломническая поездка	103
Великолепное сырье	107
Страшные маски	125
Эвтаназия	130
Там, где рождается молитва	142
Воспитание трех цивилизаций	148
Генеральная уборка	152
Сезон сирени	158
Без любви	181
Дед	189
Бог и психоаналитика	203
В Оптину пустынь — за полнотой жизни ..	207
Россия, которую мы не потеряли	213
Снова в Дивеево	218
Квартира	223

Дело чести	228
Змеиный день	234
Прогресс ценой жизни	243
Тверичане	247
Затерянное племя	250
Крещенское купание	261
Икона-мученица	266
Дом	269
Медвежатник	272
Смотрю в небеса	282
Гора предков (повесть)	289
Девушка Яга	346

Ванино счастье

В этой семье одиночество никого не тяготило. Ни деда Петра, ни старого кота Мурыгу, ни одинокого аиста, прилетавшего каждое лето в гнездо на дворовой груше. Все свыклись со своим положением и мирно жили бок о бок.

Утрами дед поил кота Мурыгу козьим молоком, чесал его за ушами и молча на весь день уходил по своим делам. Дед работал лесником и все время жил в сторожке на краю леса, а дом, в котором прошла, почитай, вся его жизнь, оставил в деревне после смерти жены. Не смог жить в нем, свыкнуться с одиночеством среди людей. В лесу оно, одиночество, было естественным. Так что дед отгородил полянку для коз. Рядом груша-дичка весной утопала в цветах, и дед решил сделать ей что-нибудь приятное, поставил колесо, авось прилетят аисты. Так и случилось, белоснежная пара поселилась той же вес-

ной. Впрочем, это было давно. Когда сторожка служила временкой, а жить дед уходил в деревню. Много воды утекло с тех пор...

Нарушил устоявшийся порядок внук Ванька, которого дед взял на лето пожить у себя. Младшая дочка, не приведи Господь, такой фортель выкинула. Прошлой зимой с мужем разошлась. Что они там не поделили — неизвестно. Поняв, что ребенок страдает, дед собрался с силами, поехал в город, просить Ваньку на лето. Тишина нужна ребенку и природа, глядишь, отойдет. Чтобы потом во взрослую жизнь обиды на себе не тащить. Много думал дед о дочеринном разводе: как говорили в старину, если твое дите сделало промах, стало быть, ты где-то не просчитал. Выходит, Танькина боль — его вина. Что он не так сделал? С женой жили, душа в душу, за всю жизнь он пальцем ее не тронул, троих детей вырастили, образование дали, на первых порах по хозяйству всем помогали. Уже и семьи у детей. Живи да радуйся. Ан нет, болячка-таки выскочила. Чтобы, выходит, меру знал. Без несчастья счастье неполноценное.

Ванька сразу освоился в дедовых хоромах. Козам ленточки на рога завязал, Мурыге соорудил из бересты каску. Назначил коз знаменитостями, а Мурыгу — охранником, как на концерте в Лужниках, который Ваня в городе смотрел по телевизору. Ну, а себе

он отвел роль главного организатора, понятное дело. Дед глядел на Ваньку и улыбался. Даже аист на охоту не вылетал, весь день простоял в гнезде на одной ноге и удивленно глядел сверху. В конце концов Мурыге роль охранника надоела, он потерялся о забор, снял каску и убежал, а Ваня до самого вечера бегал за котом, упрашивал концерт продолжить.

— Отойдет, — махнул рукой дед, глядя на Ваньку, и направился коз доить.

Аист вечером бесшумно улетел на охоту, а Мурыга, наоборот, с охоты вернулся и принес Ваньке в подарок полевку.

— Ты зачем ее убил? — посмотрел мальчик в глаза коту и заплакал.

Дед взял Ваньку на руки и принялся объяснять, что Мурыга — хищник из большого семейства кошачьих, задача у него такая — мышей ловить.

— Деда, а люди тоже хищники? — неожиданно спросил Ванька.

— Это, понимаешь, Иван, кто как. Бывает, что сразу и не определишь...

На том Ванька успокоился, взял игрушечную лопатку и побежал мышку хоронить, при этом пару раз цыкнул на кота, чтобы не смел подходить к нему.

Вечером дед внука помыл и уложил спать.

— А сказу? — затребовал Иван.

— Не знаю я сказок, — сказал устало дед, — спи, давай...

— Сказу!

— Ну, тогда, слушай... Жил-был маленький мальчик, и был он вредный-превредный. Звали его, как ни странно, Иван.

— Деда, а у него родители тоже были разведены?

— О, Господи! Да что же это такое? Не знаю я про его родителей, и не про это сказка.

— А про что?

— Не знаю, спи.

— Не буду!

— Спи, а то сейчас придет бабай.

— Хорошо, деда, я спрячусь под одеяло, а ты тоже голову просунь сюда и рассказывай, чтобы бабай не слышал...

Дед рассмеялся и рассказал первое пришедшее в голову. И вскоре внук засопел.

Дед достал трубку, закурил от пламени в печке, присел. Вспомнил свою мать, родную тетку — Евдокию, та тоже воспитывала детишек одна, маялась. Дядька весной поехал на рыбалку и утонул. Горькая она доля, вдовья. А развод? Как так р-раз — и перерезал по живому? Выйдет ли еще дочка замуж? Как сложится ее судьба? А Ванькина? Будет ли чужой человек их любить? Ох, жизнь. Видать, так на роду написано...

...Когда аисты поселились на колесе, это преобразило все вокруг. Сороки в ольховнике перестали трещать, перелетела подалее сова и ночами не пугала гуканьем. Быстро исчезли ужи и гадюки, и на реку

стало можно ходить босиком. Такая благодать была целое лето, к осени появились птенцы, и аисты вместе с ними улетели на юг, на другое лето дружная семья прилетела снова. На третье — аист прилетел один... Он подолгу стоял на одной ноге в гнезде и смотрел на деда, как бы изучая его. Летать теперь стал медленно, никуда не торопился, ведь каждый раз его ждало пустое гнездо, не надо было ни подругу кормить, ни потомство. Мужчина в одиночестве хиреет, когда пропитание добывать не для кого. Не зря же Господь сотворил каждой твари по паре. Дед смотрел на аиста и жалел, а вскоре сам овдовел и стал звать его братом. Братом по несчастью, так выходило.

У Мурыги была своя история. Когда жили в деревне, он каждую весну новую подругу приводил. Под окнами та-а-акие концерты устраивал, что старуха его звала жеребцом. Но когда дед поселился в лесу, кот как-то подуспокоился. Хозяин думал, что он будет в деревню бегать к кошкам, но кот ничего подобного не делал. На полевки только охотился, иногда в благодарность приносил их хозяину, и недоумевал — из-за чего же дед ругается?

Ванька проснулся рано. «Жаворонок», — заметил про себя дед и повел внука к умывальнику.

— Деда, — обратился к нему пацан, — а на небе сыр есть?

— Что? Сыр на небе?

— Ну да...

— Нет, Иван Александрович, на небе сыра нету.

— Тогда почему и Солнце, и Луна на сыр похожи?

— Не знаю, — ответил дед.

Ваня расплескал воду вокруг себя, быстро вытерся и побежал было к столу.

— Стоять! — скомандовал дед. — А молиться, кто будет?

— Что делать? — ребенок сделал большие глаза.

— Молиться, — неспешно повторил дед.

— А это как?

— Сейчас научу.

Дед аккуратно взял Ванину ладошку в свою руку и начал осенять внука крестом. Внуку понравилось. Он вырвал ладонь из рук деда, наскоро перекрестился еще два раза и направился к столу.

— Куда пошел?

С этими словами дед удержал Ваньку и начал вслух говорить молитву, а внуку велел повторять. Внук наскоро проговорил, что запомнил, и побежал к столу. Дед пододвинул к нему вареную очищенную картошку, парное молоко и стал наблюдать, как Ваня уплетает завтрак.

— А тебе я еды не дам, — говорил Ваня Мурыге, — потому что ты не молился. Такой большой кот, а даже креститься не умеешь, вот так, руку надо на лоб, потом одно плечо, потом второе, а потом на животик...

Мурыга внимательно смотрел на маленького человека и облизывался. Ваня-таки не выдержал и отломил ему кусок картошки. Кот брезгливо отвернулся и ушел.

— Ну и не надо, — сказал обиженно внук.

После завтрака дед взял Ваньку сети проверить, которые вчера поставил по темноте. В другие дни он ставил одну сеть рядом с избой в зарослях камыша, там всегда шла щука, теперь отрядил две — вторую подле пригорка, где в иные дни бывал карась размером с котелок. Ванька надел солдатскую пилотку, найденную вчера на чердаке, и с деловым видом направился к реке, где болталась легонькая весельная лодка, привязанная к березовому колу.

— Деда, это наш корабль?

— Да.

— Деда, а можно я буду капитаном?

— Попробуй...

Дед достал «Беломорканал» и неторопливо закурил, оглядывая водную гладь. Вид темно-зеленого речного ковра одновременно бодрил и успокаивал. Вдалеке крикали утки, высиживая потомство. Вспомнился зять. Тот самый Танькин муж. «Не пьет, не курит», — сказала о нем дочь как бы между прочим. Отец ни слова не сказал, а мать проговорила: «Значит, хороший человек, должно быть, раз с молодости за здоровьем следит». — «Более того, — добавила дочка, — Саша даже кофе не пьет, говорит, что он вредный». Мать ахнула, а отец усмехнулся.

Потом еще пару раз дочка с мужем приезжали, вроде счастливые. И как-то сразу после свадьбы семья младшей дочери отделилась от родителей, какой-то чересчур официальный тон у Таньки сделался, появились слова «карьера», «планирование семьи» и еще много чего телевизорного. С другой стороны, вроде как понятно, жена, она и должна держать линию мужа, чтобы семья не распадалась. Но какая-то тяжелая политика выходила у этой семьи.

Отец в их дела не вмешивался. Со старшими зятьями он сразу сдружился, на охоту ходили вместе, рыбалку, в баню. А когда старший, Наташкин муж, значит, сгульнул чуток, тесть на правах старшего не только не выдал мужика, но и обследоваться на медицинскую тему велел. В общем, все как у людей.

Жизнь научила деда не обижаться. Ни на людей, ни на себя. Когда-то его отца — Петра Егоровича дважды убивали. Один раз за то, что дворянских кровей, тогда так было положено, слуги убивали господ. Повели их в сад. Велели яму копать, отец с четырьмя взрослыми сыновьями в полчаса уложились, их комиссары штыками прокололи на глазах у мальчика Петьки, об Петьку сильно мараться не стали, одного штыка, решили, достаточно, бросили сверху, наскоро засыпали землей и ушли. Садовник Егор, добрая душа, из каретного двора все наблюдал, откопал, похоронил по-христи-

ански, а Петьку выходил. Мог бы и мать выходить, ее тоже не сильно изувечили, но она была на сносях, в могиле начались преждевременные роды... Видать, так Богу надо было, чтобы из большого дворянского гнезда, когда-то известного на всю Россию, выжил один птенец, да и тот под чужой фамилией: Егор потом выдавал Петьку за своего, чтобы жизнь сохранить ему.

Второй раз дело было на войне. Уже молодой солдат в Белоруссии решил заступиться за юнца-партизана, пошел к немцам и сказал, мол, не он хулиганит тут, а я, он так, меня покрывает. Юнца отпустили, Петр велел ему драпать к матери, а его самого — к стенке, и снова — та же история. Люди выходили.

Умер Петр Егорович в глубокой старости и, что интересно, не замечал за собой особых болячек, на жизнь смотрел только с солнечной стороны, потому многим казалось, что он носит розовые очки и, как часто бывает с такими людьми, его учили уму-разуму, учили, а все без толку — умер оптимистом. И детям строго наказал — руки-ноги целы, свет божий видишь — радуйся! Его отличало редкое здоровье — даже с похмелья не болел...

— Деда, хватит курить, — Ваня прервал воспоминания, — я рулить хочу, а то все ветер и ветер моей лодкой командует!

Дед схватил веревку и потянул лодку к берегу. Одной рукой усадил внука, другой

взял весло и направил лодку по течению. Сел напротив.

— Деда ты меня обманул, — начал Ваня.

— Почему же?

— Лодкой не надо командовать, она сама плывет, а мы сидим.

— Это потому, что по течению, когда будем плыть обратно, тогда лодка нас слушать не будет и надо будет ей командовать...

— Обещаешь?

— Ага...

— Деда, а кто такой Бог?

Дед улыбнулся. Чего-чего, а такого вопроса он от внука не ожидал. Он начал объяснять, но вскоре запутался. Как объяснить маленькому ребенку, кто такой Бог?

Облегчил участь сам Ваня, он, рассматривая берег через бинокль, спросил:

— А Бог раньше был человеком?

— Да...

— А как его звали?

— Иисус Христос.

— Он не русский?

— Ага...

— Он и маленьким был?

— Да.

— А как звали его родителей?

— Иосиф и Мария.

— А они тоже развелись?

— Нет, Вань, у Бога родители не разводились...

— Хорошо ему...

Ваня напрягся. Он увидел, как на берегу охотится Мурыга, и закричал:

— Мурыга, плыви сюда! Тут в лодке есть место для тебя, будешь штурманом!

Кот спокойно наблюдал за плывущими и с места не трогался.

Караси, как и ожидал дед, оказались большими. Внук долго возился с ними, считал, пересчитывал, потом выбрал самого большого и отпустил.

— К-куда? — возмутился было дед.

— Ничего ты не понимаешь, сам взрослый и не знаешь даже, что у той рыбки животик большой, потому что там рыбята, а маленькие рыбята должны жить в воде, потом они вырастут, и их будет много, очень много. Мы некоторых выловим, а остальных оставим, и тогда у речки их будет еще больше, и речка тогда будет большой, и всем, кто живет в ней, будет хорошо...

«Отойдет Ванька за лето, хорошо, что на природе вот тут», — думал дед и молча улыбался. А внук наконец командовал: теперь они плыли против течения. Больше всего богатому улову обрадовался Мурыга, он неспешно уплел гору требухи, одним глазом следя за Ванькой. Что может взбрести в голову маленькому человеку — неизвестно; а ну, как снова чего-нибудь на kota напялит! Но внуку кот не был интересен, он увлеченно рассматривал гнездо аиста и спрашивал, куда птица ходит в туалет. Дед уж было принялся объяснять, как в гнездо